

ФАНТАСТИКА

КОНКУРС

НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

для детей
и подростков
осень 2004

МОСКВА 2006

Сергей Юрьевич Волков
Загадать желание, или Тайна старого парка

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=605455
антология Фантастика. Конкурс «Научная фантастика для детей и подростков – осень 2004»:
Социально-политическая мысль; Москва; 2005
ISBN 5-902168-58-9

Аннотация

«– Желание! – закричал опомнившийся граф: – Загадывайте желание, скорее!
„Желание... – подумал Митя. – Запорталье... Я бы хотел попасть в Запорталье и жить там всегда“. И тут же он понял, что это было вчерашнее желание, желание того, старого Мити Филиппова, тихого ботаника и фантазера...
„Я хочу...“ – про себя сказал Митя: „Я хочу...“ И вдруг осознал, ЧТО он хочет на самом деле. Осознал – и в этот же миг все вокруг померкло, закружилось, а спустя секунду в Митины уши ударила трель школьного звонка...»

Содержание

Глава первая, в которой Митя попал	4
Глава вторая, в которой происходит непоправимое	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Сергей Волков

Загадать желание или Тайна старого парка

Фантастическая повесть

Глава первая, в которой Митя попал

То, что мир, в котором живет и он сам, и вся семья Филипповых, неуютен и равнодушен, Митя понял еще лет пять назад. Но другого-то нет...

Уйти некуда. Нет, есть, конечно, один способ, но это уже того... Чересчур, короче.

И тогда Митя придумал: если закрыть глаза и несильно надавить на веки пальцами, то коричневая темнота взорвется ослепительными вспышками, разноцветными сполохами, искорками и сверкающими точками, похожими на махоньких бабочек.

Потом из ниоткуда начнут выплывать пятна, пугающе огромные, вальсяжные, похожие на радужных амёб с изрезанными, словно бы пушистыми краями. Тут глаза могут немножко заболеть, но пальцы убирать не надо, потому что все сверкающее и порхающее великолепие вдруг начинает двигаться вокруг одной точки, словно в каком-то калейдоскопе, складываясь в изломанный, очень сложный и причудливый узор.

Вот малюсенькие разноцветные треугольнички, вспыхивая всеми цветами радуги, образуют правильные кольца, вот их прорезают ветвистые молнии, плетущие огненную паутину...

В какой-то миг все замирает, а потом стремительно разлетается мелкими осколками, а в центре появляется белый пульсирующий овал, который Митя про себя назвал Порталом.

И Портал этот, как всегда казалось Мите, вел в фантастический и прекрасный мир, где он, Митя Филиппов, был бы смелым и отважным, сильным и честным, находчивым и красивым...

Ну, пусть не красивым, но хотя бы, как говорится, привлекательным. С серыми, нет, лучше – цвета закаленной стали, глазами, жестким волевым подбородком, узкими губами и без этих дурацких прыщей...

Да в конце концов, пусть глаза и губы останутся, как есть, главное, чтобы не было оттопыренных ушей и торчащих во все стороны волос «цвета прелой соломы», как высказался однажды, после долгих раздумий, о Митиной шевелюре школьный остроумец, физрук Пал Иваныч.

Еще в этом волшебном мире все должно быть, как в любимых книжках – дремучие чащобы с удивительными деревьями и травами, высокие заснеженные горы, водопады, таинственные пещеры, грозные замки. А главное, – мудрые маги, прекрасные эльфы, отважные гномы, свирепые драконы, злобные колдуны, мужественные следопыты и суровые воины. Это так круто: битвы, походы, верные друзья, коварные враги...

Не то, что эта, реальная жизнь. ТАМ у Мити получалось все, ТАМ он был тем, кем хотел, а не тем, кем приходилось быть...

Конечно, Митин мир, названный им Запорталье, был чем-то похож и на Средиземье, и на Земноморье, и на Эмбер, ну и что с того? Фэнтези Митя любил, и даже сам тайком от всех начал писать роман-эпопею про приключения зеленого эльфа Миттифиэля, сына короля Карлиэндэля, владыки бескрайних Непроходимых лесов Запорталья.

Правда, написаны пока только три странички, но лиха беда начала!

Больше всего на свете Митя мечтал найти себе друзей, таких же, как он, любителей фэнтези. Эх, если бы был доступен Интернет...

Но отец, полгода назад обнаружив, что любимое чадо сутки напролет зависает в сети, и отнюдь не на учебно-познавательных сайтах, провел «домашнюю реформу», попросту вытащив из Митинога компа модем. И остался Митя в двадцать первом веке без Интернета...

Обидно, – а с отцом не поспоришь, характер тот еще, не даром его в институте называют «наш железный Карл». Карл – такое имя в честь естествоиспытателя Карла Линнея отцу дали бабушка и дедушка, биологи. Против Ба и Де Митя ничего не имел – они и добрые, и ласковые, и внука, то бишь его, Митю, любят, как говорит мама, «безо всякой меры»... А вот с именем сыну промахнулись. Мало того, что отца на всю жизнь зовут Карл Васильевич, так ведь и Митя получился Дмитрием Карловичем!

А с таким отчеством жить трудно... Как только Митю не дразнят – и Кар-Карычем, и Карловарычем, и Каркушей, и Карликом... Понятное дело, с теми, кто дразнится, дружбы не получится, а таких – весь класс!

Правда, Ирка Самойлова не дразнилась, но как дружить с девчонкой, да еще и с такой? Ростом Мите по плечу, стекла очков со «Сникерс» толщиной, косички, как у первоклашки... Живет Ирка вместе с мамой в шестом доме. Болеет часто. Еще у них есть собака, восточно-европейская овчарка Гранд. Не модная, не мастино неополетано какой-нибудь, но умна-а-я-я... Все команды исполняет и даже сумки с покупками за Иркой носит.

Поговорить с Самойкой можно, это да, она все знает, даже в биологии разбирается. Но отец как-то, узрев Митю беседующим с Иркой во дворе, выдал: «О, вот и невеста тебе подрастает!» Само собой, после таких слов Митя старается поменьше общаться с Самойловой...

Так что другом Ирку считать ну никак нельзя, а других друзей просто нет.

Слышал Митя, что где-то, не то в Нескучном саду, не то в Бицевском парке, собираются «толкиенутые» – фанаты «Властелина колец» и фэнтези вообще, но как с ними связаться? Поехать в Нескучку и целый день бродить по парку, обращаясь ко всем встречным-поперечным: «А это не вы – любители Толкиена?»

Да даже если бы такой способ и сработал – Митя ни за что бы на это не отважился. Стыдно как-то. Неловко... Обсмеют, а то и по башке надают.

Эх, когда тебе тринадцать лет... Митя вспомнил первые строчки стиха, вычитанного год назад, в доступном тогда еще Интернете и почему-то запавшего, как говорится, в душу. Некий пацан на сайте «grafomania.ru» писал «под Крылова»:

Когда тебе тринадцать лет,
На лад никак жизнь не идет.
И получается не жизнь, а только мука.
Уроды всякие, родители и школьная наука
Тебя тащить куда-то принялись,
И, будто клещи, с трех сторон впились...

Дальше Митя не помнил, да дальше и не надо было. Стих бил в самую десятку: все, и родители, и учителя, и «всякие уроды», то бишь сверстники, что-то хотели от Мити. Одному Мите ничего и ни от кого не было надо...

Впрочем, нет. Стопроцентным пофигизм – это не для Мити. Были у него увлечения, то же фэнтези, а еще...

Во-первых, он с детства, с пяти лет почти, увлекался ботаникой. Причин тому много, но главная – Митины родители, они же предки, шнурки, старики и так далее (в зависимости от Митинога настроения) были, как и Ба с Де, биологами. Отец, доктор наук в тридцать восемь,

занимался генной инженерией, а мама, ботаник, руководила лабораторией адаптации культурных растений Ботанического сада Академии наук. Так что интересы Филиппова-младшего оказались predetermined, по сути, еще до его рождения.

Во-вторых, Митя, помимо ботаники, вот уже год обожал Светку Теплякову. Золотые волосы до плеч, голубые глаза, точеная фигурка – настоящая эльфийская принцесса! Вот только Теплякова, в отличие от ботаники, взаимностью Мите отнюдь не отвечала...

А ведь как было бы здорово пригласить Светку в оранжерею при маминой лаборатории, показать выращенные Митей рододендроны и азалии, циперус и цветущую уже второй год магнолию...

И словно в воображаемых запортальных Непроходимых лесах, бродить с ней, светлой эльфийской принцессой Светилиэль, среди зеленых листьев и ярких цветов, слушать журчание ручьев и пенье птиц...

* * *

– Филиппов! Опять витаешь? – суровый голос математички Натальи Евгеньевны вернул Митю в грустную реальность начала XXI века. Он поспешно отнял пальцы от глаз и вскочил, силясь сквозь застилавшие глаза разноцветные пятна разглядеть строгое лицо классной руководительницы.

– Ну, мечтатель, повтори, что я говорила?

– М-м-м... – Митя беспомощно заозирался, надеясь услышать подсказку. Эх, если бы здесь были верные друзья из его Запорталья, они бы точно не бросили Митю-Миттифиэля в беде...

Класс тихонько хихикал, потешаясь над бестолково хлопающим глазами Митей. Ирка Самойлова пыталась что-то подсказать, но она сидела через ряд от Мити – разве услышишь?

Кто-то с задних парт запустил в Митю комком жеваной бумаги, попал между лопаток – не больно, но обидно...

– Ну, что же ты мычишь, Филиппов? – Наталья Евгеньевна грозно нахмурилась: – Я диктовала домашнее задание на выходные. Ты записал? Покажи!

Учительница шагнула к Мите, взяла в руки дневник:

– Та-а-ак... Не записал. Ну что с тобой делать, Филиппов? Разве можно быть таким несобранным? Пиши при мне: задание номер 25, 26, 27 и...

Математичка выдержала паузу и торжественно отчеканила:

– И лично для тебя, дополнительно, чтобы впредь был внимательнее – примеры номер 31 и 32!

– Гы! Отгреб Кар-карыч добавочку! – донесся с задней пар голос Мишгана.

– Калачев! Эт-то что еще за комментарии? Ты как себя ведешь? Так, ты тоже сделаешь к понедельнику дополнительно... 33 и 35 задания. Я проверю!

Митя втянул голову в плечи – вот это было уже совсем плохо. Совсем...

* * *

Мишгана, Мишку Калачева, Митя боялся жутко, больше родителей, учителей и высоты.

И не то, чтобы Мишган производил впечатление жуткого громила, скорее наоборот – худой, вертлявый, весь как на шарнирах, он был слабее многих в классе. Тот же Стас Куприянов или Вовка Храмов могли бы уделать Мишгана одной левой.

И до прошлого года ничем таким, особенным, Мишган не выделялся. Митя жил с ним в одном дворе, знал чуть ли не с детского садика, и внимания особого на Мишгана не обращал,

потому что он был – как все. Ну, хулиганил по мелочи, так, а кто – паинька? Бывало, дрался, но всегда с теми, кто слабее.

Впрочем, нет, если повспоминать, то случались у Мишгана закидоны покруче, чем у других. В третьем классе попался он на том, что стырил у Лизки Болотовской из парты наушники от плеера. На родительском собрании, на которое тогда пригласили и учеников, Мишган рыдал и клялся, что больше не будет. Наврал, конечно, еще дважды ловили потом – в пятом классе ручку стянул многоцветную у «вэшника» Бутикова, а через полгода «чокопай» отобрал у второклассника...

Но это так, мелочь. А вот главная неприятная особенность Мишгана, за которую Митя его всегда не любил и даже презирал – это какая-то странная тяга ко всему запретному, дурному, темному. Как говорил другой Митин сосед, жэковский слесарь и мастер «золотые руки» Олег Тимофеевич: «Мишку дурь как магнитом тянет»...

Выражалось «дурь» по-разному. То Мишган в четвертом классе принес в школу карты с голыми тетками и всем, даже девчонкам, предлагал их купить у него, то ножик с выпрыгивающим лезвием притащил и пугал в туалете малышню...

И все это со словечками всякими, с рассказами про какие-то «понятия», по которым живут «правильные пацаны» и братва. Причем братва – это вообще для Мишгана были чуть ли не самые лучшие люди. «У них все честно, все без байды, без сюсей всяких», – уверенно говорил Мишган: «Виноват, косяк спорол – ответишь. Без судов всяких этих тупых...»

Впрочем, загадка такого «братвового» уклона вскоре выяснилась – оказывается, старший брат Мишгана, Борис Калачев, состоял в какой-то крутой преступной группировке, попался и получил шесть лет. Братовы дружки семью своего, как это у них называется, «кореша», не забывали, поддерживали, ну, и младшего Калачева наставляли на «путь истинный».

А год назад Борис вышел – «по амнистияку откинулся», как важно объяснил Мишган. И наступил для вертлявого Митиногo одноклассника звездный час.

Нет, Мишган не сразу стал грозой класса, да и всей школы. Все начиналось как-то потихоньку... Вот он, окруженный толпой слушателей, рассказывает про зону и тамошние порядки. Со знанием дела рассказывает, со словечками всякими. Вот в ответ на какой-то вопрос Никиты Куличко дает ему подзатыльник: «Следи за базаром, лошара!» Никита вжимает голову в плечи – и молчит. А раньше ведь дал бы в ответ, обязательно бы дал...

Потом у Мишгана появились новые дорогие шмотки и деньги. Брат его, судя по всему, вернулся в свою группировку, потому как заимел большую черную машину с тонированными стеклами, называемая Мишганом «бэхой».

Стояла черная «бэха» обычно у кафе «Граната», дверцы открыты, музыка гремит. Вскоре по району слушок пополз – местные бандиты выбрали Борьку Калачева своим главным, бригадиром «по-братвовски». И стал он уже не Борькой, а Калачом, человеком уважаемым и авторитетным.

Ну, а Мишган... Мишган решил, что и ему пора авторитет зарабатывать. Собственными «корешами» он обзавелся моментально, компания сложилась – теплее не придумаешь, – братья Володины, Дыня и Тыква, второгодник Тяпушкин по кличке, понятное дело, Тяпа, и Жорка Иголкин, у которого отец – композитор.

А потом был памятный всему классу урок истории. Стоял май, дело шло к концу учебного года. Учитель, Николай Петрович, вызвал Мишгана к доске. Тот встал, и лениво растягивая слова, сообщил, что отвечать не будет – не выучил, некогда было фигней заниматься, матери помогал, она же одна у него, не забыли, нет?

Николай Петрович заводился быстро, потому как предмет свой очень любил и непочитительного отношения к нему не терпел. «Кто не знает своего прошлого – не может иметь

будущего!», – часто повторял он слова какого-то своего древнего то ли коллеги, то ли объекта изучения...

Расчет был точен – услышав, что его любимую науку называли «фигней», историк среагировал именно так, как Мишгану хотелось – побагровел, хлопнул ладонью по столу и заорал: «Бездельник! Вон из класса!»

Митя потом, вспоминая все это, пришел к мысли, что Мишган все рассчитал и подстроил с самого начала. В ответ на крики Николая Петровича он разулыбался и противным голосом сказал, что имеет право на образование, никуда не пойдет и орать на него не надо, это непедагогично.

Тут терпение у историка лопнуло, он вскочил, схватил раздухарившегося ученика за шкуру и потащил к двери. Тот начал упираться и орать. Николай Петрович был дядькой здоровым, сильным, Мишгана скрутил и буквально вышвырнул из класса, услышав на прощание, что он «Ка-а-азел, чмо очкастое!»

Потом, понятное дело, был и педсовет, и классное собрание, и заплаканные глаза Мишгановской матери...

Но самое страшное произошло неделю спустя, когда Николай Петрович повез весь класс в Лефортовский парк. Он любил устраивать такие вот «выездные» уроки, когда можно не только рассказывать ученикам про, например, «век золотой Екатерины», но и показывать дворцы и усадьбы вельмож той эпохи.

В Лефортово выездной урок был посвящен Петру Первому. Историк чинно водил за собой стайку учеников, рассказывая про молодые годы великого императора.

Неожиданно в конце безлюдной аллеи появился, тихонько урча двигателем, знакомая черная «бэха». Мишган, плетущийся в самом хвосте одноклассников, раздвинул тонкие губы в мерзковатой ухмылке и призывно махнул рукой, мол, подгребай сюда.

«Бэха» подъехала, клацнула дверца и из машины вылез Калачов-старший, Калач, детина почти двух метров росту, в черной кожанке и черных очках.

– Э-э-э, очкари-и-ик! – негромко позвал он учителя, и Мите стало понятно, откуда у Мишгана эта манера – говорить, растягивая слова.

– Простите, вы мне? – удивился Николай Петрович, запнувшись на полуслове.

– Тебе, терпила. Подойди. – Калач, опершись на полированный капот «бэхи», закурил и лениво сплюнул на вывернутое шипованное колесо.

– Что вам угодно? – историк отважно выпятил челюсть и шагнул к попыхивающему дымом громиле – только стеклышки очков блеснули.

– Ты че, падла, на маленьких руку поднимаешь? – спокойно и все так же негромко спросил Калач, перекинул сигарету из одного угла рта в другой, и вдруг ударил учителя кулаком в живот, и тут же, другой рукой – в переносицу.

Девчонки завизжали, кто-то вскрикнул. Все замерли, а Николай Петрович зажал руками лицо и согнулся.

– Ты, типа, если учишь, то учи, а хочешь размяться – ко мне приходи, понял, тля? – Калач коротко хохотнул, отщелкнул окурочек в кусты, ногой в остроносом ботинке толкнул скрючившегося историка в плечо и оскалился в улыбке:

– Пока, детишки! Ведите себя хорошо...

Вновь клацнула дверца, «бэха» взревела, обрулила столпившихся и замерших в оцепенении учеников и умчалось прочь по аллее, вздымая мусор и пыль.

В наступившей тишине неожиданно прозвучал торжествующий голос Мишгана:

– Братан мой!

Митя огляделся – все прятали глаза, стараясь не смотреть в сторону лежащего на асфальте Николая Петровича...

Из Лефортова ребята молча разъехались по домам, благо, история была в тот день последним уроком. Через пять дней, на следующей истории, вместо Николая Петровича в класс вошла завуч. Испуганно поглядывая в сторону развалившегося за столом Мишгана, сообщила, что Николай Петрович по семейным обстоятельствам перевелся в другую школу, а историю у них теперь будет вести другой педагог, Маргарита Семеновна...

После этого Мишгана как подменили. По коридорам на переменах он ходил, гордо выпятив цыплячью, в общем-то, грудь, всегда в сопровождении «корешков», или, как он говорил, бригады – Дыни, Тыквы, Тяпы и Иголкина.

Теперь уже безо всякого стеснения новоявленный гроза школы «тряс» младшеклашек, заставляя отдавать ему деньги. «Стуканешь – кадык вырву!», – явно подражая кому-то (да ясно, кому!), обещал Мишган очередной жертве, зажатой в углу школьного туалета или за трансформаторной будкой позади школы. И жертва безропотно прощалась с выданными родителями «на буфет» десяткой или полтинником.

Одноклассников, правда, Мишган не трогал. «Где живешь – там не сори!», – сказал он как-то, и Митя тогда понял – все, он уже там, в той, «братвовой» жизни.

Впрочем, легче от этого никому не становилось. В классе воцарились законы Мишгана. Помимо «корешков» он обзавелся «шестернями», Владиком Тужилиным и Артемом Кондилаки, которые таскали за своим «боссом» рюкзак, носили ему «хавчик» из буфета, делали «домашку», бегали за сигаретами (вся Мишгановская компания регулярно смолила все за той же трансформаторной будкой).

Несколько раз Калач, как все в школе стали звать Мишгана, избил Стасика Куприянова – тот никак не признавал «братвовые» законы. Причел бил его Мишган так – Дыня, Тыква и Тяпа держали жертву за руки, а Калач лупил руками в тренированный Стасиков живот и орал: «Гнись, чмо, урою!» Два раза Куприянов выстоял, а на третий – сломался, и, размазывая кровавые сопли по лицу, прощамкал разбитыми губами, что согласен жить «по понятиям».

Митя все это видел, потому что Мишган заставлял всех пацанов в классе присутствовать при экзекуции. «Кто не пойдет, тот чамора последняя!», – сообщал он негромко, и все шли – чаморой на «братвовском» языке называли опущенных. Кто это такие – Мишган просветил класс давно, еще в прошлом году.

Вскоре в компании Калача появились и девчонки – Вичка Жемчугова, у которой мама работала в супермаркете, Дашка Стеценко, самая бойкая и заводная в классе, и... И Светка Теплякова. Когда Митя через коридорное окно первый раз увидел ее разгуливающей по школьному двору под ручку с ухмыляющимся Мишганом, у него внутри все оборвалось, захотелось подбежать, вырвать руку, и дать, наконец этому... этому... Но перед глазами тут же возник скорчившийся Николай Петрович, разбитое лицо Стасика Куприянова, и Митя бессильно прислонился лбом к холодному стеклу.

Мишгана он боялся. Боялся больше всего на свете...

* * *

И вот теперь этот самый Мишган «влетел», получил «припашку», и по всем этим его дурацким «понятиям» получалось, что виноват в этом Митя. Почему Митя? Да потому что «по понятиям» всегда выходило, что виноват кто угодно, только не Мишган...

Прозвенел звонок. Все зашумели, математичка бодренько уцокала каблучками из класса, а Митя, торопливо запихивая в сумку учебник, тетрадь и дневник, весь сжался, чувствуя, как сзади, со спины, к нему приближается неизбежное...

Вот на плечо легла расслабленная, похожая на тюлений лап рука...

Вот Мишган, полуповиснув на Митиной шее, появился в поле зрения – всегдашняя дурашливая веселость на лице, сощуренные глаза, губы трубочкой...

Вот губы раздвинулись и Мишган изрек:

– Ну че, Филя, попал? Эта дура мне из-за тебя, лоха, вломила... Будешь пыхтеть за двоих, усек? Чтобы к понедельнику все сделал. Притаранишь готовые примерчики за полчаса до первого урока. Врубился?

Словно со стороны, Митя услышал чей-то блеющий голосок:

– Калач, ну чего ты... Я ж это... Ну, не успею я... Мне ж еще свои примеры делать...

Кто это? Да это же сам Митя говорит! А вокруг уже хихикают, Вичка колокольчиком заливается:

– Ха-ха-ха! Влип Каркуша!

– Не колышет, – отрезал Мишган, ткнул Митю неожиданно жестким пальцем в грудь: – Сделаешь, понял? А не сделаешь – косяк, башлять будешь за мое попадалово. Сотня, если в понедельник не успеешь. А если сотню не отдашь – в среду двести, в пятницу пятьсот. Ну, усек, тормоз?!

Митя обречено повесил голову. Губы сами собой прошептали:

– Усек...

– Все, вали... Хиляем, бригада! – Мишган оттолкнул Митю и не спеша двинулся между рядами столов к выходу из класса. Следом за ним «похияляла бригада» – Вичка, Иголкин, Дыня, Тыква, отвесивший Мите подзатыльник, потом Дашка, Тяпа и... И Светка Теплякова, эльфийская принцесса Светилиэль, даже не взглянувшая в Митину сторону...

Глава вторая, в которой происходит непоправимое

Пятница – самый хороший день недели. Разумеется, при условии, что в субботу в школу не надо. В Митиной школе мудрые педагоги еще три года назад порадовали детишек, так организовав учебный процесс, что по субботам уроки были только у выпускных классов, а остальные – гуляй, балдей, наслаждайся законным лишним выходным.

Но суббота субботой, а Митя больше всего любил именно пятницу. Уроки делать не надо – впереди два свободных дня, успеется. Можно поздно лечь, потому что назавтра никто тебя не поднимет ни свет, ни заря и не погонит получать знания.

И, наконец, в пятницу два последних урока – физкультура, а Митя от нее освобожден аж до ноября по причине сколиоза. Правда, приходилось три раза в неделю ходить на лечебную физкультуру в поликлинику, но это ладно, это не школа...

Пока весь Митин класс, громыхая и улюлюкая, ломился в раздевалки возле спортзала, сам Митя закинул за спину рюкзачок и поспешил на первый этаж. Заветная бумажка с надписью рукой директора: «Дмитрий Филиппов. 7 „а“ класс. Освобожден от физкультуры с 5 сентября по 5 ноября. Уроки физкультуры проходят по пятницам, с 13–00 до 14–45» и его же собственноручной подписью зажата в кулаке.

Охрана на выходе из школы имела строжайший приказ все того же директора – никого без разрешения не впускать и не выпускать. Что поделывать, времена такие...

Митя больше всего боялся, что сегодня дежурными могут быть Жрец и Рыжий. Эти долдоны принялись бы уточнять, звонить в учительскую, сверяться с расписанием, проверять фамилию... А дел-то полным-полно, а времени-то и так в обрез, выходные из-за Мишгана обещали выдаться тяжкие.

Митя сбежал по лестнице и облегченно улыбнулся – на выходе дежурили Майор и Капитан. Эти пропустят без слов. Во-первых, потому-то Митю хорошо знают, а во-вторых, бывшие офицеры-спецназовцы, они верят не столько бумажкам, сколько глазам. Свои, в общем, люди.

Сколько Митя себя помнил, школу всегда охраняло только два человека – здоровенный толстый парень по кличке Жрец, прозванный так за то, что постоянно жевал, и его напарник, рыжий, как осенний клен, детина с веснушчатым лицом по прозвищу, ясное дело, Рыжий.

Охранники эти лично Мите не нравились – наглые, тупые, с дурацкими шуточками вечно... Зато Мишгановская компания с ними чуть ли не дружбу водила, и пару раз Митя видел, как Жрец курил вместе с Мишганом и остальными за трансформаторной будкой.

Однако весной, кажется, в апреле, в школе произошло ЧП – в кабинете, где готовился к уроку 11-ый «б», поймали бритого наголо парня с какой-то дрянью, не то с марихуаной, не то с чем-то похуже... Был большой скандал, и на общем заседании родительский комитет принял решение – охрану школы усилить. Так на дверях появилась вторая смена охранников – Майор и Капитан.

В отличии от Жреца и Рыжего, эти были худощавыми, невысокими и вообще каким-то замухрышчатыми... Однако дело свое знали – ни к старшеклассникам, ни к учителям теперь просто так никого не пропускали, да и прогульщикам стало туго: сбежал с урока – отсиживайся где-нибудь в укромном месте, из школы тебя все равно не выпустят.

Но по-настоящему Митя зауважал новую охрану после торжественной общешкольной линейке по случаю Дня мира, весны и труда. Все шло, как обычно. Классы – стояли, музыка – играли, директор – речь сказал, потом завуч чего-то прогундосила, и вдруг объявила: «Ребята! А сейчас слово предоставляется Козинцеву Виктору Сергевичу. Вы все его хорошо знаете, он охраняет мир и покой в нашей школе. Но еще совсем недавно майор Козинцев и его боевой товарищ капитан Афанасьев, который теперь тоже работает у нас, боролись с

международным терроризмом в составе войск специального назначения. Мы просим Виктора Сергеевича сказать несколько слов».

Все захлопали, и к микрофону вышел Майор. В обычной своей камуфляжной форме, вот только теперь на ней сияли, Митя это хорошо рассмотрел, потому как стоял рядом, орден Красной Звезды, два ордена Мужества, два десятка медалей, но самое главное – небольшая золотая звездочка на левой стороне. Маленькая такая, подвешенная к трехцветному прямоугольничку...

Майор сказал что-то про праздник, про традиции, поздравил всех, а потом откашлялся и добавил: «Ребята! Человек в жизни может выбрать все – работу, друзей, увлечения... Лишь две вещи даны нам свыше – семья и Родина. Я хочу вам сказать, чтобы вы все всегда помнили – у нашей страны было, и, наверное, еще будет много названий: и Русь, и Великое княжество Московское, и Российская империя, и Советский Союз, и Российская Федерация. Но есть только одно настоящее – Россия, это имя нашей земли, нашей Родины, и за нее, а не за названия империй, союзов или федераций, отдавали свои жизни ваши пращурь, деды и отцы. Помните это!»

Митя очень понравилось, как сказал Майор, а вот директор и завуч на него зашикали и даже что-то выговаривали ему, пока щекастая русичка читала в микрофон стихи о Первомае...

С тех пор в Митиной душе поселилось какое-то особенное чувство уважения к Майору и Капитану. Суровые и немногословные, эти обычные с виду мужички внушали куда больше спокойствия и уверенности, чем накаченные амбалы вроде Рыжего или глыбистые жиртресты вроде Жреца.

Вот и школьная дверь. Митя поздоровался, Майор кивнул, не спеша отпер школьную дверь – и вот она, свобода!

* * *

Дел у Мити и впрямь было невпроворот. Перво-наперво – домой, рысью. Кинуть рюкзак, куснуть чего-нить, взять сумку для транспортировки растений, специальную, с металлическим каркасом внутри – чтобы листья не мялись, несколько пластиковых горшков, любимый садовый совок из титана, пару яблок для Старого Гнома, и – бегом в Терлецкий парк.

Выскочив из подъезда, Митя увидел Олега Трофимовича. Тот, как всегда, сидел на пороге приспособленного под мастерскую гаража в глубине двора и возился с какими-то железяками.

– Здравствуй, Олег Трофимыч! – крикнул Митя.

– И тебе здоровья, Митяй! – степенно пыхнул мастер папирасой в ответ: – Дело пытаешь, или от дела плутаешь?

– Дело, дело! – Митя заплясал на месте от нетерпения.

– Экий ты торопыжный сегодня! – усмехнулся Олег Трофимович. – Знаешь, Митяй, чем молодость, зрелость и старость отличаются?

Такие вопросы и шуточные ответы на них были «коронкой» старого слесаря. Митя помотал головой – не знаю, мол...

– Что такое молодость? – неторопливо сам у себя спросил Олег Трофимович, снова пыхнул папирасой, окутавшись сизым дымом, и сам же себе ответил: – Это когда у тебя в ушах не растут волосы. Зрелость – это когда они начинают расти. А старость? Старость – это когда ты перестаешь их выдергивать...

Мастер коротко хохотнул, глядя, как Митя полез пальцами в ухо – проверить, не состарился ли он вдруг...

– Шутите вы, Олег Трофимыч. – сообразив, что его дурачат, Митя обиженно засопел.

– Ладно, Митрий, не обижайс! Настроение у меня сегодня того... Веселое! Беги, делай свое дело, а я своим займусь, – мастер покивал и зазвенел железяками. Митя махнул сумкой и помчался в сторону парка...

* * *

Вообще-то в парк он собирался завтра, но теперь всю субботу придется потратить на решение своих и Мишгановских примеров... А в Терлецию было надо, надо позарез – время уходило, сентябрь шел к концу.

Дело в том, что еще весной Митя твердо решил провести научный эксперимент – разыскать какое-нибудь редкое растение, выкопать, перенести в оранжерею и попробовать вывести культурную форму.

После долгих раздумий выбор пал на венерин башмачок. Почему? Во-первых, это очень-очень необычный цветок, единственная растущая у нас орхидея. Тот самый Карл Линней, в честь которого Митя мучался с отчеством, еще в 1753 году описал это растение, поллатыни называемое *Cypripedioidea*.

Во-вторых, башмачок – растение многолетние, и можно будет, получив семена и вырастив «деток», постоянно сравнивать с материнской формой – есть изменения или нет.

Еще один интересный момент – растет венерин башмачок только в симбиозе с мицелием, ну, с грибницей. Садоводы этого не знают, поэтому на клумбах или в саду его не увидишь. А Митя уже подготовил в маминой теплице большой поддон, где в известковой почве (такой, какую любит башмачок) живет гриб-дождевик, по идее должен стать подходящим симбиотом, товарищем для орхидеи.

Кроме того, венерин башмачок – это очень красивый цветок! Удивительный, необычный, он и впрямь похож на туфельку. Есть легенда, что богиня Венера бегала-бегала по лесу да и потеряла свою обувь. А на Украине этот цветок называют Зозулины черевички – веселое такое имя, задорное.

Венерина или Зозулина, а Мите в цветке виделась, конечно же, эльфийская туфелька, и потерять ее могла, само собой, только эльфийская принцесса. Странная, вычурная форма, блестящие лепестки синеватого или нежно-розового цвета с темными крапинками. Словом, мечта любого настоящего ботаника.

И, наконец, главное... Естественно, больше всего Митя мечтал о том, что он подарит цветущий венерин башмачок Светке Тепляковой. Например, на день рождения...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.